

МОРДОВСКІЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

СОСТАВЛЕНЪ

А. А. Шахматовымъ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ:

ОПИСАНІЕ СЕЛА ОРКИНА САРАТОВСКАГО УѢЗДА А. Н. МИНХА.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.
Сентябрь 1910 г.

Непрерывный Секретарь, Академик *С. Ольденбург*.

Предисловіе.

Матеріалъ, вошедшій въ составъ настоящаго сборника, въ значительнѣйшей части собранъ въ 1905 и 1906 гг. въ двухъ мордовскихъ селахъ Саратовскаго уѣзда *Сухомъ Карбулакъ* и *Оркинъ*. Сухой Карбулакъ (мордва называетъ его Арчиловъ, Арчилоўвеле)¹⁾ находится верстахъ въ шестидесяти отъ Саратова къ сѣверу, въ направленіи къ г. Вольску; Оркино (иначе Кучугуры)²⁾ отстоитъ отъ Саратова приблизительно въ такомъ же разстояніи въ сѣверозападномъ направленіи и расположено верстахъ въ пяти отъ большой дороги, ведущей изъ Саратова въ г. Петровскъ. Оба эти села населены мордвой — эрзей, при чемъ русскихъ въ обоихъ селахъ сравнительно очень немного. Недалеко отъ Оркина, верстахъ въ трехъ отъ него, имѣется еще мордовское поселеніе въ деревнѣ Косолаповкѣ; здѣсь мордва живетъ вмѣстѣ съ русскими, составляющими половину населенія этой деревни; въ Косолаповкѣ я не былъ, но отъ тамошнихъ жителей мнѣ пришлось записать нѣсколько пѣсень, помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ вмѣстѣ съ оркинскими. Другихъ мордовскихъ поселеній, кромѣ трехъ названныхъ, въ Саратовскомъ уѣздѣ нѣтъ; но весьма вѣроятно, что нѣкогда мордва была въ этомъ

1) По имени грузинскаго царевича Арчила, которому нѣкогда принадлежали земли, занятыя впоследствии мордовскими селеніемъ.

2) Оркино по имени одного изъ первыхъ поселенцевъ, мордвина Орки; названіе Кучугуры встрѣчается въ малорусскихъ мѣстностяхъ; напр. въ Конопотскомъ уѣздѣ Черниговской губ. есть д. Кучугуры или Кочугуры (Списки насел. мѣстъ, Черниговская губернія, № 1321); въ Сосницкомъ уѣздѣ той же губерніи Кучугуры (тамъ же, № 2948). Въ словарь украинской мовы, изд. редакціей «Кіевской Старины», слово кучугура приведено со значеніемъ холма, куча; кучугури со значеніемъ холмистая мѣстность.

уѣздѣ распространеніе; возможно, что окончательному обрусѣнію мордвы въ другихъ селеніяхъ Саратовскаго уѣзда содѣйствовало то обстоятельство, что селенія эти не заключали въ себѣ столь густого мордовскаго населенія, какъ Оркино и Сухой Карбулакъ. Въ пользу предположенія о нѣкогда болѣе широкомъ распространеніи мордвы въ Саратовскомъ уѣздѣ можно указать на нѣкоторые географическія названія: на тракѣ изъ Саратова въ Вольскъ, верстахъ въ тридцати отъ Саратова, имѣется рѣчка Мордово и селеніе съ тѣмъ же названіемъ (извѣстное болѣе под именемъ Вольновка); въ другую сторону отъ Саратова недалеко отъ тракта Саратовъ - Петровскъ, верстахъ въ тридцати отъ самаго Саратова, имѣется деревня Губаревка: названіе это всего вѣроятнѣе возводитъ къ мордовскому слову губор-губыр (холмъ, бугоръ), при чемъ это подтверждается другимъ названіемъ Губаревки, бывшимъ раньше болѣе обычнымъ среди исключительно русскаго населенія этой деревни, — Бугарѣвка, Бугрѣвка (отъ бугоръ)¹⁾. Мордва жила нѣкогда и въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь ея нѣтъ совсѣмъ; это доказывается географическими названіями; приведу, на примѣръ, названіе рѣчки Колышлей; одноименная рѣчка извѣстна и въ Пензенскомъ уѣздѣ (лей — по-мордовски рѣка). Отмѣчу въ Камышинскомъ уѣздѣ въ Золотовской волости русскую деревню Мордово. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время Оркино и Сухой Карбулакъ оказываются наиболѣе южными поселеніями мордвы на правой сторонѣ Волги (впрочемъ, П. И. Мельниковъ въ своихъ очеркахъ указывалъ на двѣ мордовскія деревни въ Астраханской губерніи: вѣроятно, мордва явилась здѣсь въ результатъ позднѣйшаго переселенія).

Описаніе Оркина съ надлежащими этнографическими и статистическими указаніями дано ниже, на стр. 681 и слѣд. сборника, въ статьѣ А. П. Мипха, извѣстнаго изслѣдователя этнографіи и археологіи Саратовскаго края; статья эта была составлена еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; я глубоко

1) Мѣстное преданіе сообщаетъ о томъ, что названіе Губаревки произошло отъ имени казака Губарева, перваго поселенца въ этой мѣстности.

признателенъ А. Н. Минху за то, что онъ предоставилъ ее въ мое распоряженіе и далъ мнѣ возможность включить ее въ составъ моего сборника. Кромѣ описанія, даннаго Минхомъ, укажу еще на описаніе Оркина, записанное мною со словъ мѣстнаго жителя и помѣщенное въ I отдѣлѣ сборника. Тамъ же дано описаніе и Сухого Карбулака, при чемъ рассказчики охотно дѣлились и сохранившимися преданіями о началѣ селеній и о послѣдующихъ ихъ судьбахъ. Не буду поэтому повторять данныхъ, приведенныхъ тамъ, относительно Оркина и Сухого Карбулака; укажу только, что въ настоящее время въ Оркинѣ насчитывается до 6000 душъ обоого пола, а въ Сухомъ Карбулакѣ до 3000.

При собираніи образцовъ народнаго творчества въ обоихъ названныхъ селахъ я оказался въ чрезвычайно благоприятныхъ условіяхъ. Свои занятія мордовскимъ языкомъ я началъ съ Романомъ Федоровичемъ Учаевымъ, бывшимъ въ то время учителемъ Новопольской церковно-приходской школы Саратовскаго уѣзда. Р. О. Учаевъ уроженецъ Сухого Карбулака; біографическія данныя о немъ см. въ настоящемъ сборникѣ, на стр. 636—642, 646—649. Замѣтивъ его прекрасныя способности и условившись съ нимъ относительно подробностей транскрипціи мордовскихъ звуковъ (Р. О. Учаеву вообще не приходилось или приходилось очень рѣдко передавать родную рѣчь на письмѣ), я просилъ его съѣздить въ Сухой Карбулакъ и тамъ записать изъ устъ народа преданія, сказки, пѣсни и т. п. матеріалъ. Р. О. Учаевъ весьма удачно справился со своей задачей; къ концу лѣта 1905 года онъ доставилъ мнѣ большое собраніе фольклористическаго матеріала, при чемъ, будучи музыкантомъ, присоединилъ къ пѣснямъ и записи мотивовъ. Весь этотъ матеріалъ, проверенный мною въ отношеніи точной передачи звуковъ при пересчитываніи текстовъ вмѣстѣ съ Р. О. Учаевымъ, напечатанъ въ настоящемъ сборникѣ почти безъ измѣненій или точнѣе съ тѣми измѣненіями, необходимость которыхъ выяснилась при совмѣстномъ моемъ съ Р. О. Учаевымъ ихъ обсужденіи. Въ прошломъ году я посѣтилъ самый Сухой Карбулакъ и убѣдился изъ весьма значительнаго

числа собственныхъ своихъ записей¹⁾, насколько точно Р. Θ. Учаевъ передавалъ свою рѣчь. Впрочемъ, и раньше мнѣ пришлось слышать сухокарбулацкій говоръ не отъ одного Р. Θ. Учаева; между прочимъ кое-что записано было мною въ 1906 году отъ его матери, старушки лѣтъ 60-ти; эти мои записи помѣщены въ сборникѣ вмѣстѣ съ записями самого Р. Θ. Учаева, но отличены латинскимъ шрифтомъ (Р. Θ. Учаевъ пишетъ только русскими буквами), см. стр. 155—157, 646—650 сборника. Латинскимъ же шрифтомъ я напечаталъ то, что записалъ со словъ самого Р. Θ. Учаева для того, чтобы отличить мои записи отъ его записей, см. стр. 43—46, 636—645, 650—653 сборника.

Съ оркинскимъ говоромъ я познакомился въ августѣ 1905 года, когда впервые посѣтилъ Оркино и записалъ тамъ много сказокъ и пѣсенъ. Потомъ я тщательно изучалъ особенности этого говора при помощи Василія Степановича Саюшкина, оркинского уроженца, бывшаго въ то время сельскимъ писаремъ въ д. Бѣгучахъ Петровскаго уѣзда. Въ концѣ августа предложилъ мнѣ свои услуги Іосифъ Александровичъ Цыбинъ, постоянный житель Оркина, бондарь по профессіи. І. А. Цыбинъ оказался человекомъ въ высокой степени одареннымъ; необыкновенная память и развитая фантазія дѣлаютъ его неистощимымъ рассказчикомъ; подѣ его диктовкой я исписалъ много лѣстовъ бумаги; часть этихъ записей помѣщена въ настоящемъ сборникѣ. І. А. Цыбинъ пытался передавать мордовскую рѣчь на письмѣ русскими буквами, но это ему не удавалось дѣлать такъ точно и отчетливо, какъ Р. Θ. Учаеву, несмотря на придуманныя имъ діакритическіе знаки (ṙ, ḷ для обозначенія глухихъ р, л; ṛ для обозначенія задненѣбнаго); для образца я помѣстилъ въ сборникѣ нѣкоторыя изъ записей І. А. Цыбина, см. стр. 430—431, 446—449, 489—492, 630—635, 667—674. Мои записи по Оркину не ограничивались однимъ І. А. Цыбинымъ; кое-что и записалъ отъ В. С. Саюшкина, отъ Татьяны Учуськиной, отъ

1) Эти записи (подкрѣпленные частью и фотграфическими отпечатками) не вошли въ составъ настоящаго сборника, и такъ чересчурно разрослись.

Авастаси Кожайкиной, а также еще отъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ. Въ I приложеніи къ сборнику я помѣстилъ двѣ пѣсни, записанныя въ 1904 году учителемъ Ложкинымъ (стр. 674—679), а въ отдѣлѣ оркинскихъ пѣсенъ записи, сдѣланныя въ концѣ семидесятыхъ годовъ учителемъ Леонтьевымъ по порученію А. Н. Минха, см. стр. 431—434, ср. еще стр. 483—484, 486—487.

Во всякомъ случаѣ я особенно обязанъ за помощь и руководство Р. О. Учаеву и І. А. Цыбицу; приношу имъ здѣсь свою глубокую благодарность.

Оркинская мордва меньше, чѣмъ сухокарбулацкая, поддавалась вліянію русскаго населенія; это видно между прочимъ изъ того, что въ Оркинѣ мордва не разсталась со своимъ національнымъ костюмомъ; по крайней мѣрѣ въ 1906 году женщины еще почти совсѣмъ не носили платьевъ русскаго покроя, хотя и горько жаловались на насмѣшки, которымъ онѣ подвергаются въ русскаxъ селеніяхъ (напримѣръ, въ большомъ торговомъ селѣ Озеркахъ, отстоящемъ отъ Оркина въ пяти верстахъ). По этимъ жалобамъ а также по сѣтованіямъ на неурожай марены, изъ которой добывается красильное вещество, необходимое для изготовленія нѣкоторыхъ частей женской одежды, я въ 1906 году дѣлалъ заключеніе о томъ, что время перехода оркинскаго населенія къ русскому платью весьма близко. Въ связи съ общей приверженностью оркинской мордвы къ старинѣ стоитъ и то, что пѣсни и старинныя обряды держатся здѣсь гораздо устойчивѣе, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Оркино не теряетъ связей съ другими мордовскими селеніями, расположенными въ сосѣднемъ Петровскомъ уѣздѣ, хотя оркинцы и отличаютъ свое нарѣчіе даже отъ ближайшихъ сосѣдей, которыхъ называютъ «мурзями»; подобныя связи служатъ причиной сохраненія въ Оркинѣ мордовской старины и ограждаютъ оркинцевъ отъ слишкомъ быстраго обрусѣнія. Напротивъ, Сухой Карбулакъ окруженъ русскими поселеніями; ближайшія мордовскія селенія Вольскаго уѣзда отстоятъ отъ Сухого Карбулака верстахъ въ сорока; мордовская старина стала тамъ забы-

ваться, и уже въ очень давнее время жители Сухого Карбулака бросили свой національный костюмъ. Забываются также и свои пѣсни; мордва поетъ русскія пѣсни, а мордовскія развѣ только въ полномъ видѣ, какъ сообщаютъ мѣстные наблюдатели. Въ старину, какъ припоминаютъ старые люди, пѣсенъ было больше и ихъ, пѣли охотиѣ; въ настоящее время рѣдко кто знаетъ больше двухъ-трехъ мордовскихъ пѣсенъ; многіе помнятъ только отдѣльные обрывки тѣхъ или иныхъ пѣсенъ.

Живѣе сохраняются въ Сухомъ Карбулакѣ преданія. Замѣчательно, что въ 1909 году мнѣ рассказывали тѣ самыя преданія о началѣ Сухого Карбулака, которыя въ 1905 году записалъ Р. О. Учасевъ, при чемъ употребляли одинаковыя выраженія, приводили одинаковыя подробности. Одно изъ помѣщенныхъ мною въ сборникѣ преданій — о томъ, какъ мордовская земля перешла во владѣніе русскаго князя (стр. 46—48), несомнѣнно княжескаго происхожденія; въ немъ упоминаются Воляжскіе Болгары; преданіе это появилось въ печати въ семидесятыхъ годахъ. Но замѣчательна наивная передача его: въ концѣ рассказчикъ дѣлаетъ замѣчаніе, изъ котораго можно заключить, что подъ русскимъ княземъ онъ разумѣетъ бывшаго своего помѣщика.

Что касается сказокъ, то большая часть ихъ не представляетъ чего-либо оригинальнаго; эти сказки извѣстны и русскимъ, хотя возможно, что мордва сохранила весьма древнія черты при передачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не привожу при сказкахъ ихъ русскіхъ параллелей, хотя и сознаю всю важность подобныхъ указаній въ систематически подобранномъ сборникѣ; не дѣлаю ссылокъ и на обнародованныя уже мордовскія сказки во II выпускѣ Образцовъ мордовской народной словесности (Казань 1883), а также въ «*Proben der mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von H. Raasonen*» (Helsingfors 1894), и другихъ изданіяхъ. Весьма желательно появленіе работъ, посвященныхъ вопросу о сказочномъ репертуарѣ мордвы — эрзя и мокши, а также систематическихъ собраній этихъ сказокъ. Уже теперь видно, что нѣкоторыя сказки заимствованы мордвой не отъ русскихъ. Любо-

пытно опредѣлить происхожденіе нѣкоторыхъ именъ, встречающихся въ сказкахъ, какъ напр. Дячка Най-Най въ сказкѣ, помѣщенной на стр. 356—370, Мазы Дамай, Карясъ въ сказкѣ, напечатанной въ Обр. морд. нар. слов. II, стр. 118.

При пѣсняхъ я сдѣлалъ нѣсколько ссылокъ на однородныя или тождественныя пѣсни, извѣстныя изъ другихъ сборниковъ мордовской словесности. Специально относительно весьма распространенной пѣсни о Литювѣ (стр. 521—526) напому, что разборъ ея былъ предложенъ М. Г. Халанскимъ въ его изслѣдованіи «Южнославянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ» (стр. 365 и сл.). Въ пѣсняхъ мордва обнаружила несомнѣнно самостоятельное творчество. Содержаніе ихъ весьма разнообразно, такъ же разнообразны и размѣры; преобладаетъ десятисложный стихъ, укладывающійся въ четырехъ стопахъ. Важно отмѣтить обиліе пѣсенъ историческаго содержанія; систематическое собраніе и разработка ихъ со стороны сюжета были бы благодарнѣйшими задачами для изслѣдователя. Въ Оркинѣ, а въ особенности въ Сухомъ Карбулакѣ пѣсни, какъ отмѣчено, забываются; но замѣчательно, что выдающіяся событія въ жизни села вызываютъ и до сихъ поръ попытки облечь рассказы о нихъ въ пѣсенную форму; мнѣ извѣстна одна оркинская пѣсня, составленная въ 1905 году по поводу случившагося въ селѣ убійства, и одна сухокарбулацкая, описывающая народное волненіе 1906 года; та и другая пѣсни оказываются подражаніями существующимъ стариннымъ пѣснямъ. Есть полное основаніе думать, что въ мѣстахъ съ болѣе густымъ мордовскимъ населеніемъ сохранилось обиліе старыхъ пѣсенъ, неизвѣстныхъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Житель Сухого Карбулака И. О. Мионовъ сообщалъ мнѣ нѣсколько интересныхъ пѣсенъ съ историческимъ содержаніемъ. Въ нихъ упоминается о борьбѣ эри съ мокшей; называются имена мордовскихъ князей или военачальниковъ; по проверкѣ оказалось, что И. О. Мионовъ записалъ эти пѣсни отъ своей тещи родомъ изъ Аслаповки Вольскаго уѣзда; поэтому онѣ не вошли въ настоящій сборникъ. Обращаю вниманіе на весьма распространенную въ Сухомъ Карбулакѣ

пѣсню объ императорѣ Павлѣ Петровичѣ (стр. 558—560), известную и въ другихъ мордовскихъ поселеніяхъ.

Нѣкоторыя пѣсни пришлось записать прозой въ виду того, что сообщавшія ихъ лица затруднялись передать ихъ поточнѣе.

Загадочна пѣсня о Душѣ, проклятой еще въ утробѣ матери (стр. 434—436; 556—558); вариантъ къ ней въ записи А. Вальда 1849 года, помѣщенъ въ приложеніи I, стр. 679—680. Особенною симпатіей пользуются: пѣсня объ Агутѣ (стр. 533—534), известная мнѣ теперь въ нѣсколькихъ вариантахъ, пѣсня о Дарюшѣ (стр. 553—555), о Кемельте (стр. 562—564), о Сюмургѣ (стр. 564—568). Весьма распространена пѣсня «Дугава яке сыре алаша» (стр. 429—434, 555—556).

Выше указано, что именно вошло въ составъ двухъ первыхъ приложеній къ сборнику. Въ III приложеніи я помѣстилъ краткій очеркъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей говоровъ Сухого Карбулака и Оркина. Съ большою признательностью называю здѣсь книгу Г. Паасонена *Mordvinische Lautlehre* (Helsingfors, 1903), которая помогла мнѣ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ фонетики. Не могъ я согласиться признать за Паасоненомъ (см. его *Mordw. Lautlehre*, стр. VII—VIII, а также *Mordvinische Chrestomatie*, Helsingfors, 1909) долгими или полудолгими, шумными глухими согласными въ положеніи ихъ между гласными, а также между г, і, п, т и гласными; напр. въ словахъ *luḱa*, *aḱa*, *ṁodaṣa* я слышалъ краткія k, t, s въ противоположность напр. словамъ *poloḱa* (по пологѣ), *veḱi* (о водѣ), *ḱaṁpaṣa* (цуетъ онъ кунить), гдѣ k, t, s дѣйствительно долги.

Относительно передачи мордовскихъ звуковъ въ текстахъ замѣчу слѣдующее: l обозначаетъ l, т. е. русское л несмягченное; l̥ и ḱ обозначаютъ глухія l̥ и ḱ, известные въ оркинскомъ говорѣ передъ глухими мгновенными; ŋ обозначаетъ задненѣбное n (болѣе подходящимъ знакомъ было бы ɲ); ė означаетъ e среднего ряда, передъ которымъ согласныя произносятся твердо; ʒ означаетъ сочетаніе dz, звонкую аффрикату, соответствующую глухому c; ȯ означаетъ o среднего ряда (звукъ между o и ö). Другіе знаки

не нуждаются въ оговоркахъ. Удареніе я обозначалъ точкой за буквой, выражающею гласную. Не всегда при скорой записи мнѣ удавалось обозначить мѣсто ударенія въ слогѣ, а потому многія слова оказываются приведенными безъ ударенія. Передавалъ я звуковую сторону рѣчи такъ, какъ я ее слышалъ; на основаніи этого я воспроизводилъ и тѣ особенности, которыя вызываются положеніемъ слова въ связной рѣчи; я писалъ *tuín zuvíl* (свинина), хотя *z* замѣнило *s* въ началѣ слова *zuvíl* (мясо) только благодаря положенію послѣ звонкой согласной; но иногда (въ особенности въ Оркинѣ) слышится и *tuín zuvíl*; это отмѣчено и въ моихъ записяхъ. То же относится и къ конечнымъ гласнымъ *a*, *e*, вмѣсто которыхъ (при томъ условіи, когда *a* восходитъ къ α) слышится *u*, *i* въ связной рѣчи. Р. О. Учаевъ держался тѣхъ же пріемовъ.

А. Шахматовъ.

Апрѣль 1910 г.